

Мониторинг деятельности организаций высшего образования: панель наблюдений за 2015–2023 гг.

Катерина Губа, Руслан Кучаков

Статья поступила в редакцию в июне 2024 г. **Губа Катерина Сергеевна** — кандидат социологических наук, директор Центра институционального анализа науки и образования, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187 Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1, литер А. E-mail: kguba@eu.spb.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4677-5050> (контактное лицо для переписки)

Кучаков Руслан Камилович — директор Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге. E-mail: rkuchakov@eu.spb.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5757-410X>

Аннотация Цель статьи состоит в расширении доступа к данным Мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования, которые обладают большим потенциалом для решения управленческих и исследовательских задач: в базе данных Мониторинга представлена обширная информация по большинству российских вузов и их филиалов начиная с 2013 г. Обзор научных публикаций показал, что данные Мониторинга уже используются в исследованиях образования, в частности при изучении факторов эффективности российских вузов и построении типологий вузов. Однако круг участников таких исследований ограничен несколькими научными коллективами. Можно ожидать, что открытие панели данных в формате, пригодном для количественного анализа, позволит расширить круг исследователей высшего образования. Для открытого доступа подготовлены данные Мониторинга по всем вузам и филиалам за 2015–2023 гг. в виде панели наблюдений. Эти данные описывают 2297 организаций, 1333 из них — филиалы.

Ключевые слова российские университеты, эффективность, открытые данные, административные данные, высшее образование

Для цитирования Губа К.С., Кучаков Р.К. (2025) Мониторинг деятельности организаций высшего образования: панель наблюдений за 2015–2023 гг. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 1, сс. 117–139. <https://doi.org/10.17323/vo-2025-21676>

Monitoring of Performance of Russian Higher Education Organizations: Panel Data, 2015–2023

Katerina Guba, Ruslan Kuchakov

Katerina S. Guba — PhD in Sociology, Head of the Center for Institutional Analysis of Science and Education, European University at Saint Petersburg. Address: 6/1A

Gagarinskaya St., 191187 Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: kguba@eu.spb.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4677-5050> (corresponding author)

Ruslan K. Kuchakov — Head of the Institute for the Rule of Law, European University at Saint Petersburg. E-mail: rkuchakov@eu.spb.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5757-410X>

Abstract The purpose of this article is to present data from the Monitoring of Performance of Russian Higher Education Organizations, making it widely accessible. Since 2013, this monitoring has provided extensive information on most Russian universities and their branches, which holds great potential for addressing both university management and research problems. A review of existing studies reveals that monitoring data has already been employed to explore a wide range of issues, from factors influencing the efficiency of Russian universities to the construction of various university typologies. However, such research has been limited to a few research teams. By making panel data available in a format suitable for quantitative analysis, we can expect to broaden the reach of higher education researchers. Monitoring data for all universities and branches from 2015 to 2023 have been prepared for open access, forming an observation panel that describes 2,297 organizations, including 1,333 branches.

Keywords Russian universities, efficiency, open data, administrative data, higher education

For citing Guba K.S., Kuchakov R.K. (2025) Monitoring of Performance of Russian Higher Education Organizations: Panel Data, 2015–2023. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 117–139 (In Russian). <https://doi.org/10.17323/vo-2025-21676>

Российское высшее образование встроено в систему государственной подотчетности, что подразумевает организованный сбор сведений о подконтрольных объектах. Результатом становится особая разновидность эмпирической информации — административные данные [Connolly et al., 2016; Figlio, Karbownik, Salvanes, 2016], которые генерируются государственными ведомствами для собственных целей, но могут представлять интерес и для исследователей. В научных публикациях, посвященных образованию, много примеров использования административных данных, в частности в обзоре исследований Д. Фиглио, К. Карбовника и К. Сальванеса [Figlio, Karbownik, Salvanes, 2016]. Авторы показывают, что административные данные чаще всего применяются для изучения отдачи от образования: во многих странах имеются административные регистры, представляющие анонимизированную информацию об образовательных траекториях людей. При этом анализ развития всей популяции организаций — задача трудно-выполнимая [Zapp, Dahmen, 2023], так как университеты не обязаны предоставлять информацию о своей деятельности или же она собирается для отдельных регионов. Вместе с тем в некоторых европейских странах существуют яркие примеры централизованного сбора информации о деятельности ученых и организаций, особенно примечателен опыт Италии [Mateos-González, Voliver, 2018; Seeber et al., 2019]. В Европе для исследования высшего образования на межстрановом уровне уже не первый год используется *European Tertiary Education Register (ETER)* — база

данных с большим количеством наблюдений в виде отдельных университетов, для которых собрана разнообразная информация [Lepori et al., 2023]. В США с середины 1960-х на федеральном уровне проводится сбор данных обо всех организациях высшего образования [Lepori, Borden, Coates, 2022].

В России главным источником административных данных о высшем образовании является Мониторинг деятельности образовательных организаций высшего образования (далее — Мониторинг). Данные Мониторинга аккумулируют статистическую отчетность вузов, которая ежегодно предоставляется Министерству науки и высшего образования. Впервые Мониторинг был проведен в 2012 г. и предназначался для идентификации проблемных организаций: министерство намеревалось использовать показатели Мониторинга для того, чтобы принимать решения о проверках, закрытии или слиянии неэффективных вузов [Карелина, Соболев, Сорокин, 2015]. Однако довольно быстро результаты Мониторинга стали использоваться не только для принятия управленческих решений, поскольку они давали исследователям науки и высшего образования уникальную возможность работать с данными обо всей совокупности образовательных организаций.

Важное преимущество Мониторинга в сравнении с другими источниками информации о российском высшем образовании состоит в представлении данных для каждого университета в отдельности. Обычно в статистических сборниках сведения содержатся в агрегированном виде, что ограничивает анализ сравнением региональных показателей. Мониторинг же формируется на основе отдельных форм, которые заполняются вузами, и в дальнейшем информация появляется в профиле вуза на сайте Мониторинга. В итоге именно данные Мониторинга позволяют сравнивать ключевые характеристики университетов, а также анализировать их развитие в динамике.

Министерство с 2013 г. выкладывает показатели каждого университета на сайт, однако эти данные недоступны для прямого скачивания, что ограничивает возможность использования этой информации как для исследователей, так и для заинтересованных пользователей. К примеру, абитуриенты не могут относительно простым способом сравнить показатели одного вуза за разные годы или показатели разных вузов. Чтобы восполнить этот пробел, мы подготовили для открытого доступа данные по всем вузам и филиалам вузов за 2015–2023 гг. в виде панели наблюдений, в этой подборке представлены 2297 организаций, 1333 из них — филиалы [Guba, Kuchakov, 2024].

1. Обзор исследований

Данные Мониторинга уже достаточно широко используются в исследованиях науки и высшего образования в России. Далее мы подробнее остановимся на двух наиболее значимых направлени-

ях таких исследований — это оценка эффективности российских вузов и построение их типологии. Применение данных Мониторинга выходит за рамки этих двух направлений, однако именно они наиболее полно раскрывают потенциал содержащейся в его базе данных эмпирической информации.

1.1. Исследования эффективности российских университетов

Применение данных Мониторинга в исследованиях тех или иных аспектов эффективности университетов вполне логично и оправданно: Мониторинг и предназначен для того, чтобы получить информацию для оценки вузов. Что касается именно эффективности вузов, Мониторинг предоставляет несколько возможностей организации исследования. Во-первых, можно использовать подход Министерства науки и высшего образования, при котором для того или иного показателя устанавливаются пороговые значения, и эффективными по данному показателю считаются вузы, преодолевшие этот порог. Во-вторых, исследователь сам может выбрать релевантные показатели и применить простые расчеты к определению эффективности, к примеру выделить вузы, у которых показатель выше среднего или медианного значения. В-третьих, возможны более сложные расчеты для определения эффективности, построенные исходя из представлений о производственной функции университета, а также ввод в расчеты доступных ресурсов. Последний подход чаще всего реализуется через оболочечный анализ данных (*data envelopment analysis*). Наиболее заметные исследования эффективности проведены в рамках третьего подхода, который развивают исследователи Высшей школы экономики.

Выход за рамки простого сравнения показателей деятельности вуза с оценочными критериями и применение сложных расчетов дают возможность учесть затраченные ресурсы: университеты, как и другие организации, преобразуют доступные им ресурсы в результаты деятельности [Егоров, Максимова, 2021]. Данные Мониторинга позволяют исследователям определить набор доступных ресурсов и показатели результативности вузов. В качестве результатов деятельности университетов рассматриваются численность студентов или количество публикаций, а в качестве ресурсов — средний балл ЕГЭ студентов и доходы вуза [Там же]. Оценка эффективности, полученная с учетом доступных ресурсов, является более детализированной. К примеру, А. Егоров [2020] рассчитал показатели эффективности и результативности вузов, которые использовал для их дальнейшей кластеризации. При этом в кластер вузов, характеризующихся высокой результативностью и низкой эффективностью деятельности, попали преимущественно ведущие университеты: участники Проекта «5-100», а также вузы, имеющие статус националь-

ных исследовательских университетов. Данные вузы располагают значительными объемами финансовых ресурсов, с учетом которых от них можно было бы ожидать большей эффективности деятельности.

Обширные данные Мониторинга позволяют создать типологию вузов на основе их эффективности, а также рассмотреть изменения в эффективности на протяжении нескольких лет. А. Меликян [2021] представила расчеты среднегодовых темпов прироста шести ключевых показателей, характеризующих деятельность вузов, и выявила пять кластеров, различающихся траекториями развития вузов. Автор установила, что развитие университетов происходит неравномерно, при этом в выборке редко встречаются вузы, у которых в рассматриваемый период все показатели возрастали. К примеру, есть кластер вузов, которые в течение пяти лет сохранили или улучшили свои позиции по основным направлениям образовательной деятельности, однако их показатели международной и научно-исследовательской деятельности, а также развития инфраструктуры снизились.

Среди факторов эффективности — ключевых переменных, которые определяют успешное развитие университета, — исследователи рассматривают, в частности, государственные реформы и программы, менеджмент и лидерство, а также структурные условия, на которые вуз не может влиять. Среди государственных инициатив наиболее значимой стал Проект «5-100» — его роль в развитии университетов оценивалась сразу в нескольких исследованиях. Т. Агасисти с соавторами [Agasisti et al., 2020] анализировал влияние Проекта «5-100» на эффективность университетов, используя квазиэкспериментальный дизайн исследования. Обнаружены статистически значимые положительные эффекты проекта как для производительности, так и для эффективности университетов — участников «5-100». А. Ловаков с соавторами [Lovakov et al., 2021] рассматривал эффект участия в Проекте «5-100» с точки зрения эффективности работы вуза с учетом показателей качества человеческого капитала (как студентов, так и преподавателей) и метрик результативности исследований. А. Железнов [2023] проанализировал изменение ресурсов, связанных с реализацией научно-исследовательских разработок, для участников Проекта «5-100» и контрольной группы университетов.

Другой пример влияния государственной реформы на эффективность деятельности вузов — последствия слияния университетов. На основе результатов Мониторинга государство принимало решение о слиянии университетов с целью повышения эффективности их деятельности. Исследование [Егоров, Максимова, 2021] показало, что в краткосрочной перспективе слияния университетов оказывают положительное влияние на эффективность вузов: результативность их деятельности возрастает на 22–27% в срав-

нении с вузами с тем же объемом ресурсов. Исследовался также эффект государственной политики распределения бюджетных мест. Т. Агасисти с соавторами [Agasisti et al., 2022] анализировал влияние на деятельность вузов российской реформы подушевого финансирования, основанной на показателях результативности вузов, и показал, что на эффективность университетов, по крайней мере на средние баллы ЕГЭ, действительно влияет дополнительное финансирование, полученное в результате реформы.

С управленческой точки зрения важным фактором эффективности является внутренний менеджмент и руководство вузом. С качеством менеджмента в вузе связывают перспективы его развития: считается, что от ректора во многом зависят успехи и неудачи университета. Закономерным образом вслед за получением данных об эффективности вузов возникли и стали претворяться в жизнь предложения о смене ректоров — с 2015 по 2017 г. новые ректоры назначены в каждом пятом российском вузе [Guba, Gerashchenko, 2022]. Сопоставление менеджерских качеств ректора с динамикой развития вуза позволяет оценить вклад конкретного руководителя в успешность или неуспешность университета. В частности, Е. Дьяченко и А. Мироненко [2018] с использованием кластерного анализа разделили университеты на относительно однородные группы и проанализировали, каким образом распределены ректоры разных типов среди вузов с разной эффективностью. К. Губа и Д. Геращенко [Guba, Gerashchenko, 2022] выясняли, менялись ли ректоры в вузах с относительно низкой эффективностью чаще, чем в более успешных университетах, — такая закономерность означала бы стремление министерства сменить руководство в слабых университетах.

В недавнем исследовании эффективности российских вузов [Egorov, Serebrennikov, 2023] преимущественное внимание уделено внутренним характеристикам университетов — структуре студенческого контингента, качеству профессорско-преподавательского состава, объему и источникам доходов и т.д. [ibid.]. Авторы подчеркивают важность учета внутренних характеристик вузов, так как далеко не все они находятся под контролем руководителей университетов.

Результаты оценки эффективности вузов находят практическое применение в государственном управлении — на основании полученных данных можно судить о том, насколько государственные реформы и программы способствуют эффективности. Однако в научном сообществе не прекращается дискуссия об обоснованности ожидания позитивных изменений в работе вузов по итогам тех или иных программ и реформ, так как эффективность вузов в значительной степени определяется структурными детерминантами, которые вуз не способен изменить. К. Губа с соавторами [Губа, Соколов, Цивинская, 2019] оценивали шансы вузов

оказаться эффективными в 2014 г. с учетом таких характеристик, как принадлежность к тому или иному «семейству» вузов и местоположение. Показано, что существуют категории вузов, которые не обладают желательными «врожденными» характеристиками. В исследованиях различий в результативности и эффективности российских государственных университетов, связанных с характеристиками их внутреннего управления [Agasisti et al., 2024; Agasisti, Shibanova, 2022], установлено, в частности, что фактическая автономия, особенно в управлении кадрами, служит устойчивым положительным предиктором повышения эффективности [Agasisti, Shibanova, 2022]. Д. Зинченко и А. Егоров включили в анализ структурные переменные — ведомственную принадлежность вуза, степень его автономности в расходовании финансовых средств, принадлежность к группе ведущих вузов. Наиболее влиятельным фактором с точки зрения эффективности деятельности оказалась ведомственная принадлежность университета [Зинченко, Егоров, 2019].

В отдельных исследованиях эффективность становится объясняющей переменной. Так, Т. Агасисти с коллегами [Agasisti et al., 2021] оценивал связь эффективности региональных систем высшего образования с темпами экономического развития российских регионов. Показатель эффективности рассчитывался на уровне университета с использованием процедуры *Data envelopment analysis* (DEA), и затем оценки суммировались на региональном уровне. Обнаружено положительное влияние эффективности вуза на показатели региональной экономики, при этом эффективные региональные системы высшего образования могут извлекать ресурсы из соседних регионов. К. Губа с соавторами [Губа, Соколов, Цивинская, 2020] анализировала показатели, используемые в Мониторинге, с тем чтобы оценить эффекты их применения в этом качестве. С помощью модели пропорционального риска Кокса получен прогноз выживания вуза в 2017 г. и показано, что эффективность деятельности вуза оказывает влияние на его шансы выжить. Анализ вероятности такого последствия признания вуза неэффективным, как проведение его проверки, показал, что наряду с неэффективными в группу наиболее часто проверяемых входят частные вузы. Категория «частный вуз» сработала как сигнал о потенциальной неблагонадежности даже при высоких показателях в Мониторинге [Guba, Tsivinskaya, 2024].

1.2. Типологии университетов

В ряде публикаций результаты Мониторинга используются для выделения типов университетов. Попытки типологизации предпринимались и до начала Мониторинга [Абанкина и др., 2013; Кузьминов, Семенов, Фрумин, 2013], однако именно с появлением данных Мониторинга стало возможным реализовать раз-

личные подходы к группировке вузов. В одной из недавних работ [Ходачек и др., 2023] данные Мониторинга использованы для кластеризации вузов и выделены «крепкие бюджетные», «сугубо образовательные», «крепкие муниципальные» и «исследовательские бюджетные» университеты.

Типология вузов может строиться на основании одного аспекта деятельности университета. К примеру, А. Меликян [2016] использовала показатели международной деятельности вузов, взятые из Мониторинга: численность иностранных студентов по основным и дополнительным образовательным программам, численность иностранных аспирантов, число международных программ двух дипломов. С помощью кластерного анализа автор выявила пять групп вузов со сходными характеристиками: «аутсайдеры», «рекрутеры иностранных студентов», «диверсификаторы», «стратеги» и «национальные лидеры». При этом к «аутсайдерам» отнесены 89,5% анализируемых организаций высшего образования.

Другой пример построения типологии только на одном показателе деятельности вуза — это анализ распределения студентов по учебным направлениям. Д. Платонова [2015] оценивала специализацию и диверсификацию программ обучения, используя данные о концентрации студентов на направлениях обучения. Специализация вуза определяется по направлению, на котором сконцентрирована наибольшая доля студентов от общего числа обучающихся. Если в вузе ни на одном из направлений не обучается половина или более от общего числа студентов, он определяется как «вуз без специализации». А. Цивинская [Tsivinskaya, 2023] также анализировала данные о распределении студентов по учебным программам, но при этом сопоставляла их с информацией о публикациях сотрудников вуза в тех или иных научных областях. Результатом стало выделение профилей вузов на основании того, какие программы они реализуют и по каким областям они проводят исследования.

М. Лисюткин [2017] провел анализ российских государственных вузов с точки зрения изменений в доступных им ресурсах. Данные Мониторинга использовались для подбора ключевых ресурсов. К примеру, в качестве основного показателя, характеризующего качество подготовки студенческого контингента, выбран средний балл ЕГЭ студентов. По результатам анализа выделена группа вузов, у которых ухудшилось положение со всеми рассматриваемыми компонентами ресурсной базы одновременно, — это вузы среднего эшелона, ориентированные на массовое высшее образование. В следующей работе Б. Таловская и М. Лисюткин [2018], применяя те же показатели, провели стратификацию на группы по схожим ресурсам на данных 2012 и 2016 гг. Исследование показало, что вузы с большим набором ресурсов сохраняют или даже усиливают свои позиции.

Данные Мониторинга используются не только для анализа эффективности деятельности вузов, как задумывали его создатели, отдельные показатели привлекаются для осуществления иных исследовательских проектов. К примеру, С. Жучкова и С. Бекова [2023] на основании информации о контингенте обучающихся в вузах, в том числе и на уровне аспирантуры, показали, что произошло перераспределение аспирантского контингента в пользу ведущих вузов. В таких исследованиях данные Мониторинга зачастую совмещаются с информацией, полученной из других источников, к примеру из опросов. А. Егоров и Д. Платонова изучали восприятие университетскими менеджерами среднего звена последствий разработки и реализации стратегии университета [Egorov, Platonova, 2023]. Помимо опросных данных исследователи анализировали изменения результативности на организационном уровне. В исследовании влияния коллабораций на качество научных результатов использовались переменные, описывающие научные ресурсы вузов, — количество аспирантов, грантов и компьютеров [Aldieri, Kotsemir, Vinci, 2020].

Итак, данные Мониторинга дают возможность проводить исследования с разными целями: и прикладными, например описание изменения численности студентов, обучающихся по IT-специальностям в российских вузах [Меликян, 2022], и концептуальными, в фокусе которых находятся различные факторы организационной эффективности.

2. Данные

Данные извлечены с сайта «Мониторинг деятельности организаций высшего образования»¹, где они публикуются в виде годовых отчетов для каждой образовательной организации, включая филиалы. Информацию предоставляют вузы, которые вводят данные в специальную форму под названием «Мониторинг по основным направлениям деятельности образовательной организации высшего образования (Форма № 1-Мониторинг)». Мы собрали и подготовили данные для всех организаций за 2015–2023 гг. в виде панели наблюдений, где строка — это год-организация, а колонка — показатель из отчета. В итоге сформирована панель, насчитывающая 12 788 строк и 420 переменных, которые описывают 2297 организаций, 1333 из них — филиалы. Данные доступны для скачивания [Guba, Kuchakov, 2024]².

Старт сбора информации — 2015 г. Важно различать год появления информационных материалов на сайте и год фактического сбора показателей. Данные за 2015 г. отражают деятельность вузов за предыдущий год. Согласно официальной информации на

¹ <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo>

² <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi%3A10.7910%2F2FDVN%2F0XWEDR&version=DRAFT>

сайте, в 2015 г. в Мониторинге приняли участие 901 вуз и 1232 филиала, что дает набор из 2133 организаций. К ним добавлены новые университеты и филиалы, которые появились на сайте в последующие годы проведения Мониторинга. Отслеживать присутствие вуза в панели помогает его уникальный идентификатор, который не меняется при смене названия вуза. Мы также добавили ИНН и ОГРН для всех организаций, чтобы облегчить сопоставление панели с другими административными данными.

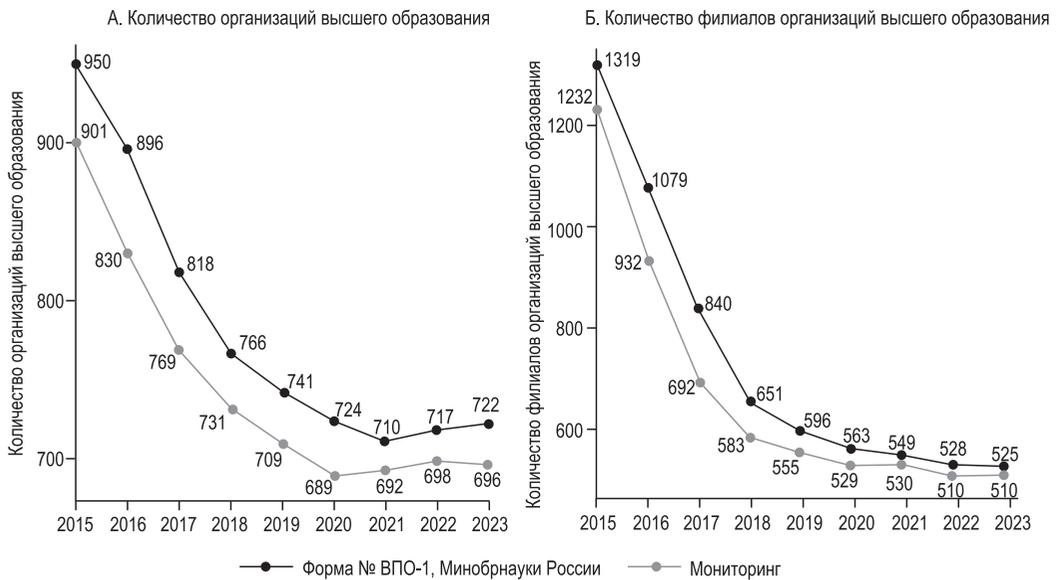
Чтобы присутствовать в наборе данных, университету или филиалу достаточно было принять участие в Мониторинге хотя бы один раз за 2015–2023 гг., однако большинство организаций участвовали в нем ежегодно. При этом доступные данные не дают возможности понять, по какой причине вуз перестал предоставлять информацию: это могла быть временная приостановка деятельности, слияние вуза с иной организацией или его ликвидация. Для определения случаев ликвидации организаций мы добавили переменную с официальной датой ликвидации юрлица согласно Единому реестру юридических лиц. Случаи слияния более сложные, и один из возможных вариантов траектории мы продемонстрируем на примере.

В конце 2015 г. Тюменский государственный архитектурно-строительный университет (id=300) был объединен с Тюменским государственным нефтегазовым университетом (id=301). Юридически это слияние прошло в форме поглощения, поскольку юрлицо id=300 было ликвидировано, а университет id=301, который, очевидно, выступил базой объединения, в дальнейшем без перерегистрации был переименован в Тюменский индустриальный университет с сохранением ИНН/ОГРН (в ЕГРЮЛ) и id=301 (в Мониторинге). Эта история отражена в нашей панели следующим образом. Данные для «поглощенного» id=300 представлены двумя строками отчета за 2015–2016 гг., данные для «поглотившего» id=301 — за 2015–2023 гг. В панели нет прямого указания на то, что id=301 после 2016 г. поглотил id=300. Такая структура отображения наблюдений нам представляется оправданной, поскольку полностью повторяет формальную логику существования организации.

Данные Мониторинга, как и базовая форма отчета № ВПО-1 Министерства науки и высшего образования, не включают информацию об образовательных организациях силовых ведомств. Речь идет о вузах систем прокуратуры, МВД, МЧС, ФСИН, ФСКН, СК, СВР, ФСБ. В остальном Мониторинг в среднем за период наблюдений содержит сведения более чем о 95% высших учебных заведений России и о 92% филиалов. Аналогичные показатели для отчета 2023 г. составляют уже 96,4 и 97,1% соответственно (рис. 1). Различия могут быть вызваны недостаточно быстрым обновлением данных о вузах, которые временно приостановили свою деятельность или были закрыты.

При этом исследователи далеко не всегда включают в анализ всю доступную в Мониторинге популяцию вузов. В связи с сильной дифференциацией российского высшего образования попытки анализировать сразу все университеты с большой вероятностью оказываются неэффективными. В разных работах в выборку попадали вузы: только государственные; только те, которые не специализируются на спорте, медицине или искусстве; насчитывающие более 500 студентов и более 100 человек профессорско-преподавательского состава; имеющие доход от НИОКР, а также количество публикаций и цитирований в *Scopus*, *Web of Science* и РИНЦ, не равное нулю [Egorov, Serebrennikov, 2023; Agasisti et al., 2024].

Рис. 1. Представленность организаций высшего образования и их филиалов в Мониторинге

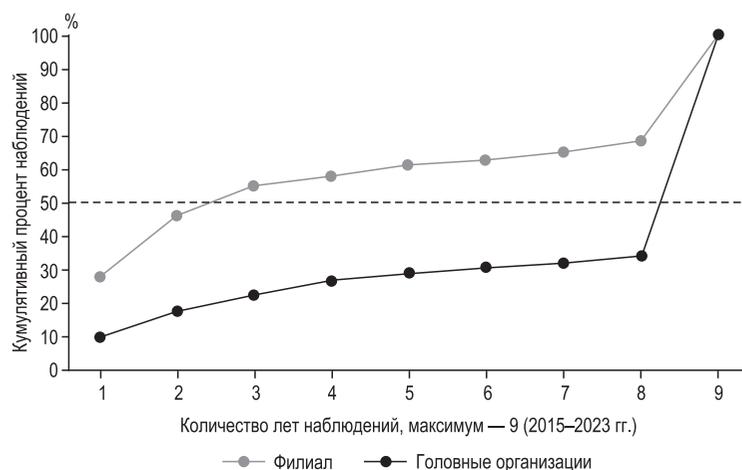
Примечание: Данные формы № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» взяты с сайта Министерства науки и высшего образования РФ³ и сопоставлены с данными Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели»⁴. Данные Мониторинга собраны с сайта Мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. Данные формы ВПО-1/Росстата/Мониторинга не содержат сведений об образовательных организациях силовых ведомств: МВД, МЧС, ФСИН, ФСКН, СК, прокуратуры, СВР, ФСБ. Данные публикуются с годовым лагом.

³ Министерство науки и высшего образования РФ — Высшее образование — Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры»: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения 06.02.2025).

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 06.02.2025).

На рис. 2 представлено распределение длительности Мониторинга для отдельных головных организаций и их филиалов. Большинство организаций участвовали в Мониторинге несколько раз. За весь период только один раз данные предоставили лишь 10% головных вузов и 28% филиалов; данные за весь срок, а именно за 9 лет, имеются для 32% филиалов и 66% головных организаций. Отсутствие университета в данных Мониторинга следует связывать с отзывом лицензии на образовательную деятельность. На это указывает рис. 1 — линия формы ВПО-1 с устойчивым трендом на сокращение количества образовательных организаций. Кроме того, исключительно редки случаи, когда вуз предоставил данные для Мониторинга, затем один год или несколько лет данные отсутствуют, а потом он снова появляется в базе: только 21 учебное заведение имеет разрыв в истории наблюдения (например, университет отчитался в 2015 г., а затем только в 2018 г., минуя период 2016–2017 гг.).

Рис. 2. Распределение длительности включения в Мониторинг головных организаций и их филиалов

Что касается доступных переменных, панель содержит все разделы, которые представлены на сайте. Переменные охватывают общие сведения об организации, включая ее идентификатор⁵, место расположения, учредителя и т.д., сведения по главным показателям Мониторинга, результаты по дополнительным показателям в рамках основных направлений, а также подробную информацию о распределении студентов по направлениям подготовки. Разделы и количество доступных по ним переменных

⁵ Добавлен также идентификатор головной организации для филиалов (id_parent), отсутствие которого означает, что у данной образовательной организации филиалов нет.

представлены в табл. 1. Всего по пяти разделам имеется 420 переменных, большая часть которых относится к распределению учащихся по направлениям подготовки в контексте региона. При переводе данных в панельный вид проведена работа по сопоставлению наименований индикатора, так как в самих названиях могли быть расхождения. Мы унифицировали наименования переменных, которые имели вариации в написании, ошибки, технические артефакты заполнения, отличия в индексах списков, а также устранили различия между названиями переменных для головных организаций и филиалов. Исследователям, работающим с данными Мониторинга, важно учитывать, что год от года могла меняться методика расчета показателей, поэтому расхождения в значениях переменных за разные годы могут объясняться не только действительно произошедшими изменениями. Подробнее о таких изменениях см. в [Губа, Цивинская, 2020]. Из-за значительного количества переменных мы не приводим здесь их полный перечень. В название переменных добавлено указание на оригинальный блок отчета, из которого они извлечены (табл. 1).

Таблица 1. Количество доступных переменных по разделам Мониторинга

Исходные таблицы Мониторинга	Количество переменных	Доля общего числа переменных (%)
IDs ⁶	6	1,4
Дата регистрации/дата прекращения деятельности юрлица ⁷	2	0,5
1. Общие сведения	11	2,6
2. Сведения по показателям мониторинга эффективности деятельности	8	1,9
3. Результаты мониторинга образовательной организации по направлениям деятельности	63	15
4. Роль организации в системе подготовки кадров для региона / Распределение контингента студентов организации	16	3,8
4.1. Роль организации в системе подготовки кадров для региона / Реализуемые УГН(С)	255	60,7
5. Дополнительные характеристики образовательной организации	59	14
Сумма	420	100

⁶ IDs: year — год; id — уникальный идентификационный номер в системе Мониторинга; id_parent — уникальный идентификационный номер головной организации в системе Мониторинга; inn — идентификационный номер налогоплательщика; ogpn — основной государственный регистрационный номер; регион — регион нахождения образовательной организации.

⁷ Данные взяты из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) Федеральной налоговой службы.

Основные показатели результативности объединены в восемь групп:

- образовательная деятельность;
- научно-исследовательская деятельность;
- международная деятельность;
- финансово-экономическая деятельность;
- инфраструктура;
- трудоустройство;
- кадровый состав;
- дополнительные характеристики.

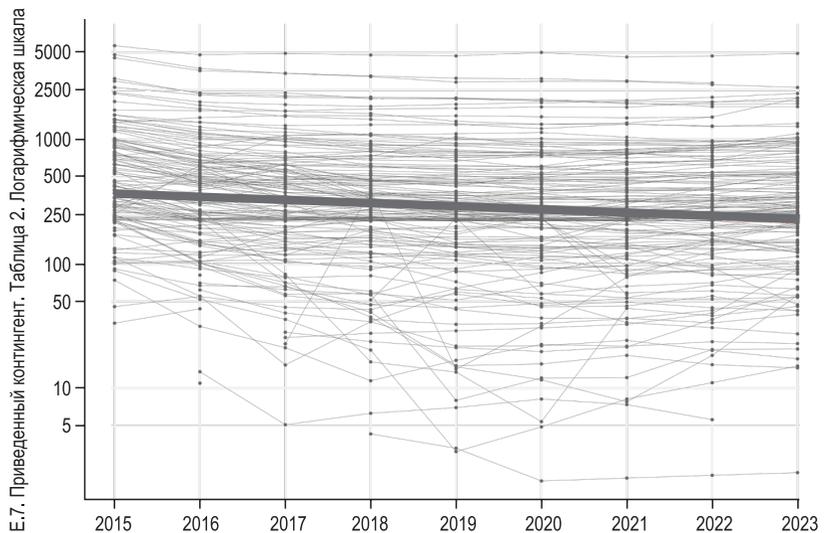
С 2015 г. количество показателей значительно выросло: если в 2013 и 2014 гг. их насчитывалось 16, то в 2015 г. — уже 59 [Губа, Соколов, Цивинская, 2020]. Каждая из групп представлена одним основным показателем. Так, основной показатель образовательной деятельности — средний балл ЕГЭ, показатель научно-исследовательской деятельности основан на НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника (для творческих вузов — на НИОКР и средствах на творческие проекты), показатель финансово-экономической деятельности — это доходы из всех источников в расчете на одного научно-педагогического работника. Показатель международной деятельности — доля иностранных студентов среди обучающихся в вузе, показателем инфраструктуры служит общая площадь помещений в расчете на одного студента, за показатель трудоустройства принята доля не обратившихся за трудоустройством студентов и трудоустроенных из числа обратившихся за содействием. Дополнительный показатель рассчитывается в зависимости от направленности вуза. Для вузов без специфики — такими считаются все вузы, кроме творческих, спортивных и военных, — он определяется как число представителей профессорско-преподавательского состава, имеющих ученую степень, в расчете на 100 студентов [Там же].

Помимо основного в каждой группе есть ряд дополнительных релевантных показателей, что значительно расширяет возможности использования Мониторинга в исследовательских целях. Исследователи могут выбрать показатели, соответствующие контексту того или иного научного поля. К примеру, в рамках министерской методики расчета эффективности научная деятельность представлена главным образом НИОКР, тогда как в научной литературе принято использовать в качестве показателя публикационную активность. Данные о публикациях и цитированиях также доступны для каждого вуза. Отдельно представлены показатели по базам *Web of Science*, *Scopus* и РИНЦ⁸.

⁸ С 2022 г. данные о публикациях и цитированиях в открытом доступе не представлены.

Насколько надежны данные Мониторинга, можно ли доверять их качеству? А. Цивинская и К. Губа [2020] показали, что показатели некоторых вузов являются малодостоверными. Учитывая, что вузы сами заполняют форму Мониторинга, информация может искажаться как намеренно, так и случайно — из-за сложных инструкций к заполнению или невнимательности (к примеру, вузы вместо тысяч рублей данные приводили в рублях). Проблемы с качеством заполнения форм сохранились до сих пор. К примеру, по данным Мониторинга 2021 г., максимальный показатель количества опубликованных работ в РИНЦ в расчете на 100 научно-педагогических работников составил 6611,60 единицы и принадлежит он Санкт-Петербургскому государственному экономическому университету. Очевидно, что эта цифра не может реалистично описывать научные результаты вуза; она примерно соответствует количеству публикаций в РИНЦ всех сотрудников университета в 2021 г. — 5955 единиц. То есть вуз указал общее количество публикаций, а не в расчете на 100 научно-педагогических работников. Соответственно исследователям при работе с данными Мониторинга рекомендуется обратить внимание на выбросы — показатели, в разы отличающиеся от среднего или медианы.

Рис. 3. Динамика изменений показателя приведенного контингента на уровне организации и общий тренд за период 2015–2023 гг.

Примечание: Каждая линия объединяет годовые значения приведенного контингента для одного из 2297 учебных заведений. Приведенный контингент — синтетический показатель, где студент очной формы обучения взят за 1, студент очно-заочной формы — за 0,25, а заочник — за 0,1.

Панельная структура (рис. 3) позволяет детектировать часть возможных ошибок заполнения или резких изменений, например

через анализ отклонений годовых значений от среднего значения исследуемой характеристики за весь период наблюдений отдельной организации. Исходя только из имеющихся данных не всегда легко установить причину резких изменений от года к году. Однако панельная структура позволяет проконтролировать подобные скачки на уровне организации как на стадии подготовки данных к анализу, так и на стадии моделирования.

Заключение Данные Мониторинга потенциально представляют высокую ценность для управления образованием и исследований в образовании: в них содержится информация по большинству российских вузов и их филиалов, и эта информация организована в виде множества показателей. Однако возможности использования этих данных были ограничены из-за отсутствия доступа к ним: не существовало удобного формата организации данных за разные годы наблюдений, пригодного для статистического анализа. Цель этой статьи состояла в систематизации данных Мониторинга для обеспечения широкого доступа к ним. Мы организовали данные Мониторинга в виде панели университетов, которые предоставляли сведения о себе с 2015 по 2023 г.

Обзор исследований, выполненных с применением данных Мониторинга, показал, что исследователи не только сосредоточились на изучении отдельных аспектов эффективности вузов, но и предложили варианты типологии университетов. Кроме того, данные Мониторинга регулярно используются в самых разных исследовательских проектах, зачастую вместе с информацией из иных источников. Данные Мониторинга могут применяться при разработке опросного инструментария для проведения опросов студентов, преподавателей и администраторов университетов — в целях создания и балансирования выборки. Кроме того, при проведении опросов населения характеристики вуза могут использоваться для учета контекста вуза. Многие исследовательские коллективы уже активно работают с данными Мониторинга, и доступность панели данных позволяет расширить круг исследователей высшего образования.

Что касается прикладных задач, панель позволяет анализировать информацию о показателях вуза за разные годы в контексте динамики его деятельности, сопоставлять показатели разных вузов⁹. К примеру, панель дает возможность увидеть, как изменялись баллы ЕГЭ абитуриентов вуза за последние пять лет или

⁹ Дашборд с таким анализом, подготовленный ЦИАНО ЕУСПб: <https://datalens.yandex/6kajwvj5gx14u> (дата обращения 06.02.2025). Визуализация дополнена описательной статистикой — можно сразу увидеть, в каком диапазоне находится показатель в контексте средних значений похожих вузов. Пользователю достаточно выбрать вуз и показатель.

ранжировать вузы по этому показателю. Мы полагаем, что выводы об эффективности вуза должны быть основаны на анализе показателей вуза в динамике или в сравнении с другими похожими вузами. Панель данных, таким образом, позволяет относительно просто проводить сравнительный анализ показателей эффективности вузов.

В заключение мы бы хотели остановиться на нескольких аспектах организации данных в Мониторинге, совершенствование которых могло бы значительно расширить потенциал их применения для исследовательских задач. База данных Мониторинга содержит десятки переменных, описывающих деятельность университета с разных сторон, но исследователи не имеют возможности анализировать информацию по отдельным содержательным направлениям, научным или образовательным. Показатели аккумулируют информацию по всему вузу, что исключает оценку вуза по предметному направлению. К примеру, данные о среднем балле ЕГЭ или о доле магистров, поступивших из других вузов, а также данные о среднем количестве ссылок на 100 преподавателей представлены для всего вуза. Поэтому Мониторинг малопригоден для того, чтобы делать выводы о качестве образования по отдельным направлениям, а в этом отношении он был бы полезен не только для исследователей, но и для абитуриентов. Очевидные показатели, которые могут быть представлены по направлениям, — это средние баллы ЕГЭ и количество публикаций или цитирований.

Облегчить и расширить использование данных Мониторинга могло бы создание единого идентификатора университетов, который использовался бы в других государственных системах информации. В Мониторинге каждый университет имеет уникальный идентификатор, что позволяет легко организовать данные в панельный вид. Однако исследователям зачастую нужно связать данные Мониторинга с другими наборами информации, например с профилем университета в РИНЦ¹⁰ или с данными о наличии образовательных лицензий. Обычно с этой целью соответствие устанавливается по названию вуза, что предполагает дополнительные затраты времени и не исключает ошибок. Появление официального идентификатора вуза особенно важно в контексте работы с административными данными.

Кроме того, в раздел сведений об университете полезно добавить информацию о его участии в важных государственных программах («5-100», «Приоритет»). Такие данные доступны в государственных документах, однако они меняются каждый год, и их

¹⁰ Установление такой связи востребовано именно сейчас, так как с 2022 г. на сайте Мониторинга не выкладывается информация о публикациях и цитированиях. Соответственно исследователи могут получить такие данные из профилей организаций в РИНЦ.

необходимо отслеживать, чтобы оценить эффекты от различных государственных инициатив.

Исследователям, работающим с административными данными о высшем образовании, важно помнить о рисках, обусловленных природой таких данных. Существенным ограничением некоторых типов административных сведений является их связь с управленческими решениями, которая создает для организаций стимулы предоставлять недостоверную информацию. Исследователям желательно иметь возможность оценить ее достоверность. Некоторые показатели Мониторинга можно проверить, сравнив их с информацией из независимых источников, однако для большинства переменных таких источников не существует. Еще один риск искажения данных создает невозможность проконтролировать заполнение форм Мониторинга. Лица, ответственные за предоставление информации в Мониторинг, могут по-разному трактовать суть показателей, а регулятор далеко не всегда отслеживает их качество. Исследователю следует особенно внимательно знакомиться с методической документацией, определяющей процедуры сбора информации. При этом нужно иметь в виду, что не все инструкции понятны представителям организаций, поэтому не следует пренебрегать дополнительными источниками информации — профессиональными форумами и даже экспертными интервью.

Благодарности Авторы выражают признательность Дмитрию Бобрикову за помощь в сборе ИНН и ОГРН образовательных организаций.

Литература

1. Абанкина И.В., Алескеров Ф.Т., Белоусова В.Ю., Гохберг Л.М., Зинковский К.В., Кисельгоф С.Г., Швыдун С.В. (2013) Типология и анализ научно-образовательной результативности российских вузов. *Форсайт*, т. 7, № 3, сс. 48–62. <http://dx.doi.org/10.17323/1995-459X.2013.3.48.63>
2. Губа К.С., Соколов М.М., Цивинская А.О. (2020) Фиктивная эффективность: что на самом деле оценивал Мониторинг эффективности образовательных организаций. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 1, сс. 97–125. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-1-97-125>
3. Дьяченко Е.Л., Мироненко А.Ю. (2019) Академическое руководство через призму менеджериализма: связь между развитием вуза и научной специальностью ректора. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 1, сс. 137–161. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-1-137-161>
4. Егоров А.А. (2020) Оценка эффективности деятельности университетов на основе их производственных функций. *Университетское управление: практика и анализ*, т. 24, № 4, сс. 87–99. <https://doi.org/10.15826/utpra.2020.04.037>
5. Егоров А.А., Максимова М. М. (2021) *Оценка политики слияний университетов в российской системе высшего образования*. М.: ЦПУР.
6. Железнов А.М. (2023) Влияние участия университетов в Проекте «5-100» на успешность получения научных проектов. *Мир России*, т. 32, № 2, сс. 52–73. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-2-52-73>

7. Жучкова С.В., Бекова С.К. (2023) Аспирантура не для всех? Как за время вузовских реформ аспирантура сконцентрировалась в ведущих вузах. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 1, сс. 109–125. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-109-125>
8. Зинченко Д.И., Егоров А.А. (2019) Моделирование эффективности российских университетов. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, т. 23, № 1, сс. 143–172. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2019-23-1-143-172>
9. Карелина И.Г., Соболев А.Б., Сорокин С.О. (2015) Мониторинг деятельности образовательных организаций — инициатива системных изменений в высшем образовании. *Высшее образование сегодня*, № 6, сс. 37–46.
10. Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д. (2013) Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану». *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 4, сс. 8–69. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-8-69>
11. Лисюткин М.А. (2017) О возможных причинах ухудшения ресурсной базы вузов. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 2, сс. 74–94. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-74-94>
12. Меликян А. В. (2022) Подготовка IT-специалистов в российских вузах: статистический анализ. *Вопросы статистики*, т. 29, № 6, сс. 74–83. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-6-74-83>
13. Меликян А.В. (2021) Кластерный анализ российских вузов на основе динамики показателей их деятельности. *Вопросы статистики*, т. 28, № 5, сс. 58–68. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-5-58-68>
14. Меликян А. В. (2016) Типология международной образовательной деятельности российских вузов. *Высшее образование в России*, № 12, сс. 140–150.
15. Платонова Д.П. (2015) Горизонтальная и вертикальная дифференциация системы высшего образования в России. *Университетское управление: практика и анализ*, № 4 (98), сс. 19–30.
16. Таловская Б.М., Лисюткин М.А. (2018) О ресурсной стратификации российских университетов. *Университетское управление: практика и анализ*, т. 22, № 6, сс. 24–35. <https://doi.org/10.15826/umpra.2018.06.055>
17. Ходачек И.А., Минаев Д.В., Зинковская А.В., Яблоков Е.Б. (2023) Применение машинного обучения для типологизации финансовых моделей университетов. *Высшее образование в России*, т. 32, № 11, сс. 116–135. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-11-116-135>
18. Цивинская А.О., Губа К.С. (2020) Мониторинг эффективности образовательных организаций как источник данных о российском высшем образовании. *Университетское управление: практика и анализ*, т. 24, № 2, сс. 121–130. <https://doi.org/10.15826/umpra.2020.02.018>
19. Agasisti T., Abalmasova E., Shibanova E., Egorov A. (2022) The Causal Impact of Performance-Based Funding on University Performance: Quasi-Experimental Evidence from a Policy in Russian Higher Education. *Oxford Economic Papers*, vol. 74, no 4, pp. 1021–1044. <https://doi.org/10.1093/oep/gpab039>
20. Agasisti T., Egorov A., Platonova D., Serebrennikov P. (2024) Universities' Internal Governance and Their Efficiency: Empirical Evidence from Russia. *International Transactions in Operational Research*. <https://doi.org/10.1111/itor.13462>
21. Agasisti T., Egorov A., Zinchenko D., Leshukov O. (2021) Efficiency of Regional Higher Education Systems and Regional Economic Short-Run Growth: Empirical Evidence from Russia. *Industry and Innovation*, vol. 28, no 4, pp. 507–534. <https://doi.org/10.1080/13662716.2020.1738914>
22. Agasisti T., Shibanova E. (2022) Actual Autonomy, Efficiency and Performance of Universities: Insights from the Russian Case. *International Journal of Public Administration*, vol. 45, no 2, pp. 121–134. <https://doi.org/10.1080/01900692.2021.1903496>

23. Agasisti T., Shibanova E., Platonova D., Lisyutkin M. (2020) The Russian Excellence Initiative for Higher Education: A Nonparametric Evaluation of Short-Term Results. *International Transactions in Operational Research*, vol. 27, no 4, pp. 1911–1929. <https://doi.org/10.1111/itor.12742>
24. Aldieri L., Kotsemir M.N., Vinci C.P. (2020) The Effects of Collaboration on Research Performance of Universities: An Analysis by Federal District and Scientific Fields in Russia. *Journal of the Knowledge Economy*, vol. 11, no 2, pp. 766–787. <https://doi.org/10.1007/s13132-018-0570-9>
25. Connelly R., Playford C.J., Gayle V., Dibben C. (2016) The Role of Administrative Data in The Big Data Revolution in Social Science Research. *Social Science Research*, vol. 59, September, pp. 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2016.04.015>
26. Egorov A., Platonova D. (2023) Perception of Strategies by University Middle Managers: Is There Any Relationship with Actual Universities' Operations? *Tertiary Education and Management*, vol. 29, no 4, pp. 411–427. <https://doi.org/10.1007/s11233-022-09107-6>
27. Egorov A., Serebrennikov P. (2023) Measuring the Efficiency of Universities: What Is Inside the Black Box? *Journal of Higher Education Policy and Management*, vol. 45, no 5, pp. 545–565. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2023.2209379>
28. Figlio D., Karbownik K., Salvanes K.G. (2016) Education Research and Administrative Data. *Handbook of the Economics of Education* (eds E.A. Hanushek, S.J. Machin, L. Woessmann), Amsterdam: Elsevier, pp. 75–138. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-63459-7.00002-6>
29. Guba K., Gerashchenko D. (2022) Strengthening Academic Leadership from Above: the 'Renewal' of Russian University Leaders. *Studies in Higher Education*, vol. 47, no 12, pp. 2430–2443. <https://doi.org/10.1080/03075079.2022.2081677>
30. Guba K., Kuchakov R. (2024) Monitoring of Performance of Russian Higher Education Organizations 2015–2023. *Harvard Dataverse*, vol. 2. <https://doi.org/10.7910/DVN/0XWEDR>
31. Guba K., Tsvinskaya A. (2024) Legitimacy Deficits in the Private Higher Education Sector: Categories in Evaluating Russian Universities. *Studies in Higher Education*, vol. 50, no 2, pp. 387–405. <https://doi.org/10.1080/03075079.2024.2338886>
32. Lepori B., Borden V.M., Coates H. (2022) Opportunities and Challenges for International Institutional Data Comparisons. *European Journal of Higher Education*, vol. 12, no 1, pp. 373–390. <https://doi.org/10.1080/21568235.2022.2094817>
33. Lepori B., Lambrechts A.A., Wagner-Schuster D., Zahradnik G. (2023) The European Tertiary Education Register, the Reference Dataset on European Higher Education Institutions. *Scientific Data*, vol. 10, no 1, pp. 1–8. <https://doi.org/10.1038/s41597-023-02353-2>
34. Lovakov A., Panova A., Sterligov I., Yudkevich M. (2021) Does Government Support of a Few Leading Universities Have a Broader Impact on the Higher Education System? Evaluation of the Russian University Excellence Initiative. *Research Evaluation*, vol. 30, no 3, pp. 240–255. <https://doi.org/10.1093/reseval/rvab006>
35. Mateos-González J.L., Boliver V. (2018) Performance-Based University Funding and the Drive Towards 'Institutional Meritocracy' in Italy. *British Journal of Sociology of Education*, vol. 40, no 2, pp. 145–158. <https://doi.org/10.1080/01425692.2018.1497947>
36. Seeber M., Cattaneo M., Meoli M., Malighetti P. (2019) Self-Citations as Strategic Response to the Use of Metrics for Career Decisions. *Research Policy*, vol. 48, no 2, pp. 478–491. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2017.12.004>
37. Tsvinskaya A. (2023) The Diversity of University Disciplinary Profiles in Research and Teaching. *Higher Education Quarterly*, vol. 77, no 4, pp. 853–873. <https://doi.org/10.1111/hequ.12436>

38. Zapp M., Dahmen C. (2023) Live and (Let) Die—Shifting Legitimacies and Organizational Mortality in American Higher Education, 1944–2018. *Social Problems*, vol. 72, iss. 1, pp. 172–190. <https://doi.org/10.1093/socpro/spad001>

References

- Abankina I., Aleskerov F., Belousova V., Gokhberg L., Zinkovsky K., Kiselgof S., Shvydun S. (2013) A Typology and Analysis of Russian Universities' Performance in Education and Research. *Foresight-Russia*, vol. 7, no 3, pp. 48–63 (In Russian). <http://dx.doi.org/10.17323/1995-459X.2013.3.48.63>
- Agasisti T., Abalmasova E., Shibanova E., Egorov A. (2022) The Causal Impact of Performance-Based Funding on University Performance: Quasi-Experimental Evidence from a Policy in Russian Higher Education. *Oxford Economic Papers*, vol. 74, no 4, pp. 1021–1044. <https://doi.org/10.1093/oeq/gpab039>
- Agasisti T., Egorov A., Platonova D., Serebrennikov P. (2024) Universities' Internal Governance and Their Efficiency: Empirical Evidence from Russia. *International Transactions in Operational Research*. <https://doi.org/10.1111/itor.13462>
- Agasisti T., Egorov A., Zinchenko D., Leshukov O. (2021) Efficiency of Regional Higher Education Systems and Regional Economic Short-Run Growth: Empirical Evidence from Russia. *Industry and Innovation*, vol. 28, no 4, pp. 507–534. <https://doi.org/10.1080/13662716.2020.1738914>
- Agasisti T., Shibanova E. (2022) Actual Autonomy, Efficiency and Performance of Universities: Insights from the Russian Case. *International Journal of Public Administration*, vol. 45, no 2, pp. 121–134. <https://doi.org/10.1080/01900692.2021.1903496>
- Agasisti T., Shibanova E., Platonova D., Lisyutkin M. (2020) The Russian Excellence Initiative for Higher Education: A Nonparametric Evaluation of Short-Term Results. *International Transactions in Operational Research*, vol. 27, no 4, pp. 1911–1929. <https://doi.org/10.1111/itor.12742>
- Aldieri L., Kotsemir M.N., Vinci C.P. (2020) The Effects of Collaboration on Research Performance of Universities: An Analysis by Federal District and Scientific Fields in Russia. *Journal of the Knowledge Economy*, vol. 11, no 2, pp. 766–787. <https://doi.org/10.1007/s13132-018-0570-9>
- Connelly R., Playford C.J., Gayle V., Dibben C. (2016) The Role of Administrative Data in The Big Data Revolution in Social Science Research. *Social Science Research*, vol. 59, September, pp. 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2016.04.015>
- Dyachenko E., Mironenko A. (2019) Academic Leadership through the Prism of Managerialism: The Relationship between University Development and Rector's Specialization. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 137–161 (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-1-137-161>
- Egorov A.A. (2020) University Efficiency Evaluation Based on Educational Production Functions. *University Management: Practice and Analysis*, vol. 24, no 4, pp. 87–99 (In Russian). <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.04.037>
- Egorov A., Maksimova M.M. (2021) *Assessment of University Merger Policy in the Russian Higher Education System*. Moscow: Center for Advanced Management Solutions (In Russian).
- Egorov A., Platonova D. (2023) Perception of Strategies by University Middle Managers: Is There Any Relationship with Actual Universities' Operations? *Tertiary Education and Management*, vol. 29, no 4, pp. 411–427. <https://doi.org/10.1007/s11233-022-09107-6>
- Egorov A., Serebrennikov P. (2023) Measuring the Efficiency of Universities: What Is Inside the Black Box? *Journal of Higher Education Policy and Management*, vol. 45, no 5, pp. 545–565. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2023.2209379>
- Figlio D., Karbownik K., Salvanes K.G. (2016) Education Research and Administrative Data. *Handbook of the Economics of Education* (eds E.A. Hanushek,

- S.J. Machin, L. Woessmann), Amsterdam: Elsevier, pp. 75–138. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-63459-7.00002-6>
- Guba K., Gerashchenko D. (2022) Strengthening Academic Leadership from Above: the 'Renewal' of Russian University Leaders. *Studies in Higher Education*, vol. 47, no 12, pp. 2430–2443. <https://doi.org/10.1080/03075079.2022.2081677>
- Guba K., Kuchakov R. (2024) Monitoring of Performance of Russian Higher Education Organizations 2015–2023. *Harvard Dataverse*, vol. 2. <https://doi.org/10.7910/DVN/OXWEDR>
- Guba K., Sokolov M., Tsvinskaya A. (2020) Fictitious Efficiency: What the Russian Survey of Performance of Higher Education Institutions Actually Assessed. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 97–125 (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-1-97-125>
- Guba K., Tsvinskaya A. (2024) Legitimacy Deficits in the Private Higher Education Sector: Categories in Evaluating Russian Universities. *Studies in Higher Education*, vol. 50, no 2, pp. 387–405. <https://doi.org/10.1080/03075079.2024.2338886>
- Karelina I.G., Sobolev A.B., Sorokin S.O. (2015) Monitoring the Activities of Educational Organizations Is an Initiative for Systemic Changes in Higher Education. *Higher Education Today*, no 6, pp. 37–46 (In Russian).
- Khodachek I.A., Minaev D.V., Zinkovskaya A.V., Yablokov E.B. (2023) The Application of Machine Learning for Creating a Typology of Universities' Financial Models. *Vysshee obrazovanie v Rossii / Higher Education in Russia*, vol. 32, no 11, pp. 116–135 (In Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-11-116-135>
- Kuzminov Ya., Semyonov D., Froumin I. (2013) University Network Structure: From the Soviet to the Russian 'Master Plan'. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 4, pp. 8–69 (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-8-69>
- Lepori B., Borden V.M., Coates H. (2022) Opportunities and Challenges for International Institutional Data Comparisons. *European Journal of Higher Education*, vol. 12, no 1, pp. 373–390. <https://doi.org/10.1080/21568235.2022.2094817>
- Lepori B., Lambrechts A. A., Wagner-Schuster D., Zahradnik G. (2023) The European Tertiary Education Register, the Reference Dataset on European Higher Education Institutions. *Scientific Data*, vol. 10, no 1, pp. 1–8. <https://doi.org/10.1038/s41597-023-02353-2>
- Lisyutkin M. (2017) On Possible Reasons for University Resource Base Decline. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 74–94 (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-74-94>
- Lovakov A., Panova A., Sterligov I., Yudkevich M. (2021) Does Government Support of a Few Leading Universities Have a Broader Impact on the Higher Education System? Evaluation of the Russian University Excellence Initiative. *Research Evaluation*, vol. 30, no 3, pp. 240–255. <https://doi.org/10.1093/reseval/rvab006>
- Mateos-González J.L., Boliver V. (2018) Performance-Based University Funding and the Drive Towards 'Institutional Meritocracy' in Italy. *British Journal of Sociology of Education*, vol. 40, no 2, pp. 145–158. <https://doi.org/10.1080/01425692.2018.1497947>
- Melikyan A.V. (2022) Training of IT-Specialists in Russian Universities: Statistical Analysis. *Voprosy statistiki*, vol. 29, no 6, pp. 74–83 (In Russian). <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-6-74-83>
- Melikyan A.V. (2021) Cluster Analysis of Russian Universities Based on the Dynamics of Their Performance Indicators. *Voprosy statistiki*, vol. 28, no 5, pp. 58–68 (In Russian). <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-5-58-68>
- Melikjan A.V. (2016) Typology and Analysis of International Educational Activity of Russian Universities. *Vysshee obrazovanie v Rossii / Higher Education in Russia*, no 12, pp. 140–150 (In Russian).
- Platonova D. (2015) Horizontal and Vertical Diversity in Russian Higher Education. *University Management: Practice and Analysis*, no 4 (98), pp. 19–30 (In Russian).

- Seeber M., Cattaneo M., Meoli M., Malighetti P. (2019) Self-Citations as Strategic Response to the Use of Metrics for Career Decisions. *Research Policy*, vol. 48, no 2, pp. 478–491. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2017.12.004>
- Talovskaya B.M., Lisyutkin M.A. (2018) On the Resource Stratification of Russian Universities. *University Management: Practice and Analysis*, vol. 22, no 6, pp. 24–35 (In Russian). <https://doi.org/10.15826/umpa.2018.06.055>
- Tsivinskaya A. (2023) The Diversity of University Disciplinary Profiles in Research and Teaching. *Higher Education Quarterly*, vol. 77, no 4, pp. 853–873. <https://doi.org/10.1111/hequ.12436>
- Tsivinskaya A.O., Guba K.S. (2020) The Survey of HEIs Performance as a Data Source on Higher Education in Russia. *University Management: Practice and Analysis*, vol. 24, no 2, pp. 121–130 (In Russian). <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.018>
- Zapp M., Dahmen C. (2023) Live and (Let) Die—Shifting Legitimacies and Organizational Mortality in American Higher Education, 1944–2018. *Social Problems*, vol. 72, iss. 1, pp. 172–190. <https://doi.org/10.1093/socpro/spad001>
- Zheleznov A.M. (2023) The Impact of the Russian Academic Excellence Initiative on University Access to Research Funding. *Universe of Russia*, vol. 32, no 2, pp. 52–73 (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-2-52-73>
- Zhuchkova S., Bekova S. (2023) Is Doctoral Education Not for Everyone? How the University Reforms Led to Centralization of Doctoral Programs in the Leading Universities. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 109–125 (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-109-125>
- Zinchenko D., Egorov A. (2019) Efficiency Modeling of Russian Universities. *HSE Economic Journal*, vol. 23, no 1, pp. 143–172 (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2019-23-1-143-172>